

СЕМЁН ЛЮДВИГОВИЧ ФРАНК

СМЫСЛ ЖИЗНИ

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

СЕМЁН ЛЮДВИГОВИЧ ФРАНК

СМЫСЛ ЖИЗНИ

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Семён Людвигович Франк

© 2025, Orthodox Logos Publishing, The Netherlands

www.orthodoxlogos.com

ISBN: 978-1-80484-193-8

This book is in copyright. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any means without the prior permission in writing of the publisher, nor be otherwise circulated in any form of binding or cover other than that in which it is published without a similar condition, including this condition, being imposed on the subsequent purchaser.

СЕМЁН ЛЮДВИГОВИЧ ФРАНК

СМЫСЛ ЖИЗНИ

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
Предисловие	10
Смысл жизни	
1. Вступление	12
2. «Что делать?»	23
3. Условия возможности смысла жизни	40
4. Бессмысленность жизни	54
5. Самоочевидность истинного бытия	69
6. Оправдание веры	85
7. Осмысление жизни	107
8. О духовном и мирском делании	121
Примечания	140
Биография: Семён Людвигович Франк	142

ВСТУПЛЕНИЕ

В истории философской мысли вопрос о смысле жизни занимает особое место. Это не просто одна из множества философских проблем – это вопрос, который рано или поздно задает себе каждый мыслящий человек. В труде «Смысл жизни» Семён Людвигович Франк, один из крупнейших русских философов XX века, предпринимает глубокое и всестороннее исследование этой фундаментальной проблемы человеческого бытия.

Книга, которую читатель держит в руках, была написана в 1925 году, в период, когда человечество переживало глубочайший духовный кризис после Первой мировой войны. Это было время разрушения старых ценностей, время потрясений и переоценки всего накопленного человечеством опыта. Именно в такие переломные моменты истории вопрос о смысле существования встает с особой остротой и требует нового осмысления.

Семён Людвигович Франк подходит к исследованию смысла жизни не только как философ, но и как человек, глубоко переживший трагические события своего времени. Будучи вынужденным покинуть Россию в 1922 году, он создавал эту работу в эмиграции, что придает особую глубину и искренность его размышлениям. Личный опыт автора, соединенный с глубочайшей философской эрудицией, позволяет ему рассматривать проблему смысла жизни во всей её многогранности.

В своем исследовании Франк отходит от традиционного академического стиля философствования. Его

работа – это живой диалог с читателем, в котором сочетаются строгость логического мышления и глубина религиозно-нравственных прозрений. Автор показывает, что вопрос о смысле жизни – это не отвлеченная теоретическая проблема, а важнейший практический вопрос, от решения которого зависит сама возможность полноценного человеческого существования.

Особую ценность работе придает то, что Франк рассматривает проблему смысла жизни в контексте различных философских традиций. Он органично соединяет достижения западноевропейской философской мысли с глубиной русской религиозной философии. При этом автор не ограничивается простым изложением существующих концепций, но предлагает собственное оригинальное видение проблемы.

Центральная мысль книги заключается в том, что смысл жизни неразрывно связан с духовным измерением человеческого существования. Франк показывает, что попытки найти смысл жизни исключительно в материальной плоскости или в сфере социальных отношений неизбежно приводят к разочарованию. Подлинный смысл жизни, по мнению философа, может быть найден только в соприкосновении с абсолютным началом бытия, в живой связи человеческой души с Богом.

Важно отметить, что религиозное измерение философии Франка не делает его работу узко конфессиональной. Напротив, его мысль универсальна и обращена к каждому человеку, независимо от его мировоззренческих установок. Философ показывает, что поиск смысла жизни – это неотъемлемая часть человеческой природы, и каждый человек, осознанно или неосознанно, участвует в этом поиске.

В книге последовательно раскрываются различные аспекты проблемы смысла жизни: от анализа самой постановки вопроса до конкретных путей его решения. Франк рассматривает такие важнейшие темы, как соотношение смысла жизни и счастья, связь между ин-

дивидуальным и общественным существованием, роль страдания в человеческой жизни, значение творчества и любви в обретении смысла существования.

Особое внимание автор уделяет критике нигилистических и пессимистических концепций, отрицающих наличие смысла в человеческой жизни. Франк убедительно показывает, что само наличие вопроса о смысле жизни уже свидетельствует о существовании этого смысла, подобно тому как наличие голода свидетельствует о существовании пищи.

Работа Франка не теряет своей актуальности и в наши дни. Более того, в современную эпоху, характеризующуюся кризисом традиционных ценностей и нарастающим чувством бессмысленности существования, идеи философа приобретают особое значение. Его глубокий анализ помогает современному читателю найти ориентиры в сложном мире духовных исканий.

Книга будет интересна широкому кругу читателей: профессиональным философам и богословам, студентам гуманитарных специальностей, а также всем тем, кто задумывается о фундаментальных вопросах человеческого существования. Ясность изложения делает работу доступной для понимания даже тем, кто не имеет специальной философской подготовки.

Предлагаемое издание – это не просто философский трактат, это путеводитель в мире духовных исканий, помогающий читателю найти собственные ответы на вечные вопросы о смысле человеческого существования. Глубина мысли автора, соединенная с ясностью изложения, делает эту книгу незаменимым помощником в поиске собственного пути к пониманию смысла жизни.

В заключение следует отметить, что труд Семёна Людвиговича Франка «Смысл жизни» – это не только выдающееся произведение русской религиозной философии, но и важнейший документ человеческого духа, свидетельствующий о неустанном стремлении человека к постижению высшего смысла своего существования.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книжка, уже давно задуманная, образует как бы естественное продолжение выпущенной мною в 1924 году книжки «Крушение кумиров». Она составлена в ответ на неоднократные указания друзей и единомышленников о необходимости такого продолжения, которое раскрыло бы положительное содержание тех идей, которые преимущественно в форме критики господствующих предубеждений были изложены в «Крушении кумиров». И эта вторая книжка, подобно первой, будучи выражением личных верований автора, выросла в связи с беседами и спорами, которые пришлось вести в кругу русского студенческого христианского движения. Она предлагается поэтому в первую очередь вниманию молодых участников этого движения и вообще русской молодежи за границей.

Этим определен и стиль книжки: автор пытался свои религиозно-философские идеи выразить в возможно простой и общедоступной форме и говорит лишь о том, что имеет насущное жизненное значение.

Берлин, 29 августа 1925 г.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Имеет ли жизнь вообще смысл, и если да – то какой именно? В чем смысл жизни? Или жизнь есть просто бессмыслица, бессмысленный, никчемный процесс естественного рождения, расцветания, созревания, увядания и смерти человека, как всякого другого органического существа? Те мечты о добре и правде, о духовной значительности и осмысленности жизни, которые уже с отроческих лет волнуют нашу душу и заставляют нас думать, что мы родились не «даром», что мы призваны осуществить в мире что-то великое и решающее и тем самым осуществить и самих себя, дать творческий исход дремлющим в нас, скрытым от постороннего взора, но настойчиво требующим своего обнаружения духовным силам, образующим как бы истинное существо нашего «я», – эти мечты оправданы ли как-либо объективно, имеют ли какое-либо разумное основание, и если да – то какое? Или они просто – огоньки слепой страсти, вспыхивающие в живом существе по естественным законам его природы как стихийные влечения и томления, с помощью которых равнодушная природа совершает через наше посредство, обманывая и завлекая нас иллюзиями, свое бессмысленное, в вечном однообразии повторяющееся дело сохранения животной жизни в смене поколений? Человеческая жажда любви и счастья, слезы умиления перед красотой, – трепетная мысль о светлой радости, озаряющей и согревающей жизнь или, вернее, впервые осуществляющей подлинную жизнь, – есть ли

для этого какая-либо твердая почва в бытии человека, или это – только отражение в воспаленном человеческом сознании той слепой и смутной страсти, которая владеет и насекомым, которая обманывает нас, употребляя как орудия для сохранения все той же бессмысленной прозы жизни животной и обрекая нас за краткую мечту о высшей радости и духовной полноте расплачиваться пошлостью, скукой и томительной нуждой узкого, будничного, обывательского существования? А жажда подвига, самоотверженного служения добру, жажда гибели во имя великого и светлого дела – есть ли это нечто большее и более осмысленное, чем таинственная, но бессмысленная сила, которая гонит бабочку в огонь?

Эти, как обычно говорится, «проклятые» вопросы или, вернее, этот единый вопрос «о смысле жизни» волнует и мучает в глубине души каждого человека. Человек может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нем, погрузиться с головой или в будничные интересы сегодняшнего дня, в материальные заботы о сохранении жизни, о богатстве, довольстве и земных успехах, или в какие-либо сверхличные страсти и «дела» – в политику, борьбу партий и т.п., – но жизнь уже так устроена, что совсем и навсегда отмахнуться от него не может и самый тупой, заплывший жиром или духовно спящий человек: неустрашимый факт приближения *смерти* и неизбежных ее предвестников – старения и болезней, факт отмирания, скоропреходящего исчезновения, погружения в невозвратное прошлое всей нашей земной жизни со всей иллюзорной значительностью ее интересов – этот факт есть для всякого человека грозное и неотвязное напоминание нерешенного, отложенного в сторону вопроса о смысле *жизни*. Этот вопрос – не «теоретический вопрос», не предмет праздной умственной игры; этот вопрос есть вопрос самой жизни, он так же страшен – и, собственно говоря, еще гораздо более страшен, чем при тяжкой нужде вопрос о куске хлеба для утоления голода. Поистине, это есть вопрос о хлебе, который бы напи-

тал нас, и воде, которая утолила бы нашу жажду. Чехов описывает где-то человека, который, всю жизнь живя будничными интересами в провинциальном городе, как все другие люди, лгал и притворялся, «играл роль» в «обществе», был занят «делами», погружен в мелкие интриги и заботы – и вдруг, неожиданно, однажды ночью, просыпается с тяжелым сердцебиением и в холодном поту. Что случилось? Случилось что-то ужасное – *жизнь прошла*, и жизни не было, потому что не было и нет в ней смысла!

И все-таки огромное большинство людей считает нужным отмахиваться от этого вопроса, прятаться от него и находить величайшую жизненную мудрость в такой «страусовой политике». Они называют это «принципиальным отказом» от попытки разрешить «неразрешимые метафизические вопросы», и они так умело обманывают и всех других, и самих себя, что не только для постороннего взора, но и для них самих их мука и неизбежное томление остаются незамеченными, быть может, до самого смертного часа. Этот прием воспитания в себе и других забвения к самому важному, в конечном счете, единственно важному вопросу жизни определен, однако, не одной только «страусовой политикой», желанием закрыть глаза, чтобы не видеть страшной истины. По-видимому, умение «устраиваться в жизни», добывать жизненные блага, утверждать и расширять свою позицию в жизненной борьбе обратно пропорционально вниманию, уделяемому вопросу о «смысле жизни». А так как это умение, в силу животной природы человека и определяемого им «здорового рассудка», представляется самым важным и первым по настоятельности делом, то в его интересах и совершается это задавливание в глубокие низины бессознательности тревожного недоумения о смысле жизни. И чем спокойнее, чем более размерена и упорядочена внешняя жизнь, чем более она занята текущими земными интересами и имеет удачу в их осуществлении, тем глубже та душевная могила,

в которой похоронен вопрос о смысле жизни. Поэтому мы, например, видим, что средний европеец, типичный западноевропейский «буржуа» (не в экономическом, а в духовном смысле слова) как будто совсем не интересуется более этим вопросом и потому перестал и нуждаться в религии, которая одна только дает на него ответ. Мы, русские, отчасти по своей натуре, отчасти, вероятно, по неустроенности и неналаженности нашей внешней, гражданской, бытовой и общественной жизни, и в прежнее, «благополучные» времена отличались от западных европейцев тем, что больше мучились вопросом о смысле жизни, – или более открыто мучились им, более признавались в своих мучениях. Однако теперь, оглядываясь назад, на наше столь недавнее и столь далекое от нас прошлое, мы должны сознаться, что и мы тогда в значительной мере «заплыли жиром» и не видели – не хотели или не могли видеть – истинного лица жизни и потому и мало заботились об его разгадке.

Происшедшее ужасающее потрясение и разрушение всей нашей общественной жизни принесло нам, именно с этой точки зрения, одно ценнейшее, несмотря на всю его горечь, благо: оно обнажило перед нами *жизнь* как она есть на самом деле. Правда, в порядке обывательских размышлений, в плане обычной земной «жизненной мудрости» мы часто мучимся *ненормальностью* нашей нынешней жизни и либо с безграничной ненавистью обвиняем в ней «большевиков», бессмысленно ввергших всех русских людей в бездну бедствий и отчаяния, либо (что уже, конечно, лучше) с горьким и бесполезным раскаянием осуждаем наше собственное легкомыслие, небрежность и слепоту, с которой мы дали разрушить в России все основы нормальной, счастливой и разумной жизни. Как бы много относительной правды ни было в этих горьких чувствах, – в них, перед лицом последней, подлинной правды, есть и очень опасный самообман. Обозревая потери наших близких, либо прямо убитых, либо замученных дикими условиями жизни, потерю нашего

имущества, нашего любимого дела, – наши собственные преждевременные болезни, наше нынешнее вынужденное безделье и бессмысленность всего нашего нынешнего существования, мы часто думаем, что болезни, смерть, старость, нужду, бессмысленность жизни – все это выдумали и впервые внесли в жизнь большевики. На самом деле они этого не выдумали и не впервые внесли в жизнь, а только значительно усилили, разрушив то внешнее и, с более глубокой точки зрения, все-таки призрачное благополучие, которое прежде царило в жизни. И раньше люди умирали – и умирали почти всегда преждевременно, не доделав своего дела, и бессмысленно-случайно; и раньше все жизненные блага – богатство, здоровье, слава, общественное положение – были шатки и ненадежны; и раньше мудрость русского народа знала, что от сумы и тюрьмы никто не должен отрезаться. Происшедшее только как бы сняло призрачный покров с жизни и показало нам неприкрытый ужас жизни как она всегда есть сама по себе. Подобно тому, как в кинематографе можно, произвольным изменением темпа движения, через такое искажение именно и показать подлинную, но обычному взору не заметную природу движения, подобно тому, как через увеличительное стекло впервые видишь (хотя и в измененных размерах) то, что всегда есть и было, но что не видно невооруженному глазу, так и то искажение «нормальных» эмпирических условий жизни, которое теперь произошло в России, только раскрывает перед нами скрытую прежде истинную сущность жизни. И мы, русские, теперь без дела и толка, без родины и родного очага, в нужде и лишениях слоняющиеся по чужим землям – или живущие на родине, как на чужбине, – сознавая всю «ненормальность» – с точки зрения обычных внешних форм жизни – нашего нынешнего существования, вместе с тем вправе и обязаны сказать, что именно на этом ненормальном образе жизни мы впервые познали истинное вечное существо жизни. Мы бездомные и бесприютные странники – но разве человек на земле

не есть в более глубоком смысле всегда бездомный и бесприютный странник? Мы испытали на себе, своих близких, своем существе и своей карьере величайшие превратности судьбы – но разве самое существо судьбы не в том, что она превратна? Мы ощутили близость и грозную реальность смерти, но разве это – только реальность сегодняшнего дня? Среди роскошного и беспечного быта русской придворной среды 18 века русский поэт восклицал: «Где стол был яств, там гроб стоит; где пиршеств раздавались клики – надгробные там стонут лики и бледна смерть на всех глядит»¹. Мы обречены на тяжкий изнуряющий труд ради ежедневного пропитания – но разве уже Адаму, при изгнании из рая, не было предречено и заповедано: «в поте лица своего ты будешь есть хлеб свой»?

Так перед нами теперь, через увеличительное стекло наших нынешних бедствий, с явностью предстала сама сущность жизни во всей ее превратности, скоротечности, тягостности – во всей ее бессмысленности. И потому всех людей мучащий, перед всеми неотвязно стоящий вопрос о смысле жизни приобрел для нас, как бы впервые вкусивших самое существо жизни и лишенных возможности спрятаться от нее или прикрыть ее обманчивой и смягчающей ее ужас видимостью, совершенно исключительную остроту. Легко было не задуматься над этим вопросом, когда жизнь, по крайней мере внешне-видимая, текла ровно и гладко, когда – за вычетом относительно редких моментов трагических испытаний, казавшихся нам исключительными и ненормальными, – жизнь являлась нам спокойной и устойчивой, когда у каждого из нас было наше естественное и разумное дело и за множеством вопросов текущего дня, за множеством живых и важных для нас частных дел и вопросов общий вопрос о жизни в ее целом только мерещил где-то в туманной дали и смутно-потаенно тревожил нас. Особенно в молодом возрасте, когда разрешение всех вопросов жизни предвидится в будущем, когда запас жизненных сил, требу-

ющих приложения, это приложение по большей части и находил и условия жизни легко позволяли жить мечтами, лишь немногие из нас остро и напряженно страдали от сознания бессмысленности жизни. Не то теперь. Потеряв родину и с нею естественную почву для дела, которое дает хотя бы видимость осмысления жизни, и вместе с тем лишённые возможности в беспечном молодом веселии наслаждаться жизнью и в этом стихийном увлечении ее соблазнами забывать о неумолимой ее суровости, обреченные на тяжкий изнуряющий и подневольный труд для своего пропитания – мы вынуждены ставить себе вопрос: для чего жить? Для чего тянуть эту нелепую лямку? Чем оправданы наши страдания? Где найти незыблемую опору, чтобы не упасть под тяжестью жизненной нужды?

Правда, большинство русских людей еще старается отогнать от себя эти грозные и тоскливые думы страстной мечтой о будущем обновлении и возрождении нашей общей русской жизни. Русские люди вообще имели привычку жить мечтами о будущем; и раньше им казалось, что будничная, суровая и тусклая жизнь сегодняшнего дня есть, собственно, случайное недоразумение, временная задержка в наступлении истинной жизни, томительное ожидание, нечто вроде томления на какой-то случайной остановке поезда; но завтра или через несколько лет, словом, во всяком случае вскоре в будущем все изменится, откроется истинная, разумная и счастливая жизнь; весь смысл жизни – в этом будущем, а сегодняшний день для жизни не в счет. Это настроение мечтательности и его отражение на нравственной воле, эта нравственная несерьезность, презрение и равнодушие к настоящему и внутренне лживая, неосновательная идеализация будущего, – это духовное состояние и есть ведь последний корень той нравственной болезни, которую мы называем **р е о л ю ц и о н н о с т ь ю** и которая загубила русскую жизнь. Но никогда, быть может, это духовное состояние не было так распространено, как именно те-

перь; и надо признать, что никогда еще для него не было так много оснований или поводов, как именно теперь. Нельзя ведь отрицать, что должен же наконец рано или поздно наступить день, когда русская жизнь выберется из той трясины, в которую она попала и в которой она теперь неподвижно замерла; нельзя отрицать, что именно с этого дня наступит для нас время, которое не только облегчит личные условия нашей жизни, но – что гораздо важнее – поставит нас в более здоровые и нормальные общие условия, раскроет возможность разумного дела, оживит наши силы через новое погружение наших корней в родную почву.

И все-таки и теперь это настроение перенесения вопроса о смысле жизни с сегодняшнего дня на чаемое и неведомое будущее, ожидание его решения не от внутренней духовной энергии нашей собственной воли, а от непредвидимых перемен судьбы, это совершенное презрение к настоящему и капитуляция перед ним за счет мечтательной идеализации будущего – есть такая же душевная и нравственная болезнь, такое же извращение здорового, вытекающего из самого духовного существа человека отношения к действительности и к задачам собственной жизни, как и всегда; и исключительная интенсивность этого настроения свидетельствует лишь об интенсивности нашего заболевания. И обстоятельства жизни складываются так, что и нам самим это постепенно становится все яснее. Наступление этого решающего светлого дня, которое мы долго ждали чуть не завтра или послезавтра, оттягивается на долгие года; и чем больше времени мы ждем его, чем больше наших надежд оказалось призрачными, тем туманнее становится в будущем возможность его наступления; он отходит для нас в какую-то неуловимую даль, мы ждем его уже не завтра и послезавтра, а только «через несколько лет», и никто уже не может предсказать, ни сколько лет мы должны его ждать, ни почему именно и при каких условиях он наступит. И уже многие начинают думать, что этот желанный

день вообще, быть может, не придет заметным образом, не проложит резкой, абсолютной грани между ненавистным и презренным настоящим и светлым, радостным будущим, а что русская жизнь будет лишь незаметно и постепенно, быть может, рядом мелких толчков выпрямляться и приходить в более нормальное состояние. И при полной непроницаемости для нас будущего, при обнаружившейся ошибочности всех прогнозов, уже неоднократно обещавших нам наступление этого дня, нельзя отрицать правдоподобия или по меньшей мере возможности такого исхода. Но одно допущение этой возможности уже разрушает всю духовную позицию, которая осуществление подлинной жизни откладывает до этого решающего дня и ставит в полную зависимость от него. Но и помимо этого соображения – долго ли вообще мы должны и можем *ждать*, и можно ли проводить нашу жизнь в бездейственном и бессмысленном, неопределенно-долгом *ожидании*? Старшее поколение русских людей уже начинает свыкаться с горькой мыслью, что оно, быть может, или вообще не доживет до этого дня, или встретит его в старости, когда вся действенная жизнь будет уже в прошлом; младшее поколение начинает убеждаться по меньшей мере в том, что лучшие годы его жизни уже проходят и, может быть, без остатка пройдут в таком *ожидании*. И если бы мы еще могли проводить жизнь не в бессмысленно-томительном *ожидании* этого дня, а в действенном его *подготовлении*, если бы нам дана была – как это было в прежнюю эпоху – возможность революционного *действия*, а не только революционных мечтаний и словопрений! Но и эта возможность для огромного, преобладающего большинства нас отсутствует, и мы ясно видим, что многие из тех, кто считает себя обладающим этой возможностью, заблуждаются именно потому, что, отравленные этой болезнью мечтательности, просто уже разучились отличать подлинное, серьезное плодотворное *дело* от простых словопрений, от бессмысленных и ребяческих бурь в стакане воды.

Так сама судьба – или великие сверхчеловеческие силы, которые мы смутно прозреваем позади слепой судьбы, – отучают нас от этой убаюкивающей, но растлевающей болезни мечтательного перенесения вопроса о жизни и ее смысле в неопределенную даль будущего, от трусливой обманчивой надежды, что кто-то или что-то во внешнем мире решит его за нас. Теперь уже большинство из нас если не ясно сознает, то по меньшей мере смутно чувствует, что вопрос о чаемом возрождении родины и связанном с ним улучшении судьбы каждого из нас совсем не конкурирует с вопросом о том, как и для чего нам жить сегодня – в том *сегодня*, которое растягивается на долгие годы и может затянуться и на всю нашу жизнь, – а тем самым с вопросом о вечном и абсолютном смысле жизни как таковой, – совсем не заслоняет собой этого, как мы ясно ощущаем, все же важнейшего и самого насущного вопроса. Более того: ведь этот чаемый «день» грядущего не сам же собою перестроит заново всю русскую жизнь и создаст более разумные ее условия. Ведь это должны будут совершить сами русские люди, *в том числе каждый из нас*. А что если в томительном ожидании мы растеряем весь запас наших духовных сил, если к тому времени, бесполезно истратив нашу жизнь на бессмысленное томление и бесцельное прозябание, мы уже потеряем ясные представления о добре и зле, о желанном и недостойном образе жизни? Можно ли обновить общую жизнь, не зная, *для себя самого*, для чего ты вообще живешь и какой вечный, объективный смысл имеет жизнь в ее целом? Не видим ли мы уже теперь, как многие русские люди, потеряв надежду на разрешение этого вопроса, либо тупеют и духовно замирают в будничных заботах о куске хлеба, либо кончают жизнь самоубийством, либо, наконец, нравственно умирают, от отчаяния становясь прожигателями жизни, идя на преступления и нравственное разложение ради самозабвения в буйных наслаждениях, пошлость и эфемерность которых сознает сама их охлажденная душа?

Нет, от вопроса о смысле жизни нам – именно нам, в нашем нынешнем положении и духовном состоянии – никуда не уйти, и тщетны надежды подменить его какими-либо суррогатами, заморить сосущего внутри червя сомнения какими-либо иллюзорными делами и мыслями. Именно наше время таково – об этом мы говорили в книжке «Крушение кумиров», – что все кумиры, соблазнявшие и слепившие нас прежде, рушатся один за другим, избалованные в своей лжи, все украшающие и затуманившие завесы над жизнью ниспадают, все иллюзии гибнут сами собой. Остается жизнь, сама жизнь во всей своей неприглядной наготе, со всей своей тягостностью и бессмысленностью – жизнь, равносильная смерти и небытию, но чуждая покоя и забвения небытия. Та, на Синайских высотах поставленная Богом, через древний Израиль, всем людям и навеки задача: «жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие: избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое», – эта задача научиться отличить истинную жизнь от жизни, которая есть смерть, – понять тот смысл жизни, который впервые вообще делает жизнь жизнью, то Слово Божие, которое есть истинный, насыщающий нас хлеб жизни, – эта задача именно в наши дни великих катастроф, великой кары Божией, в силу которой разодраны все завесы и все мы снова «впали в руки Бога живого», стоит перед нами с такой неотвязностью, с такой неумолимо-грозной очевидностью, что никто, раз ощутивший ее, не может уклониться от обязанности ее разрешения.

Православная библиотека – Orthodox Logos

- *Песня церкви - Праведники наших дней* – Артём Перлик
- *Сказки* – Артём перлик
- *Патристика* – Артём Перлик
- *Следом за овцами - Отблески внутреннего царства* – Монахиня Патрикия
- *Откровенные рассказы странника духовному своему отцу*
- *Семь слов о жизни во Христе* – праведный Николай (Кавасила)
- *О молитве* – святитель Игнатий (Брянчанинов)
- *Об умной или внутренней молитве* – преподобный Паисий (Величковский)
- *В помощь кающимся* – святитель Игнатий (Брянчанинов)
- *Христианство по учению преподобного Макария Египетского* – преподобный Иустин (Попович), Челийский
- *Философские пропасти* – преподобный Иустин Челийский (Попович)
- *Священное Предание: Источник Православной веры* – митрополит Каллист (Уэр)
- *Толкование на Евангелие от Матфея* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Марка* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Луки* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Иоанна* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Таинство любви* – Павел Евдокимов

- *Мысли о добре и зле* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Миссионерские письма* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Живой колос* – праведный Иоанн Кронштадтский (Сергиев)
- *Дидахе. Учение Господа, переданное народам через 12 апостолов*
- *Домострой* – протопоп Сильвестр
- *Лествица или Скрижали духовные* – преподобный Иоанн Лествичник
- *Слова подвижнические* – преподобный Исаак Сирин Ниневийский
- *Миссионерские письма* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Точное изложение православной веры* – преподобный Иоанн Дамаскин
- *Беседы на псалмы* – святитель Василий Великий
- *Смысл жизни* – Семён Людвигович Франк

В своей выдающейся работе Семён Людвигович Франк – один из величайших философов XX века – раскрывает перед читателем вечную загадку смысла человеческой жизни. Воплощая богатство русской религиозно-философской традиции, автор исследует фундаментальные вопросы: зачем человек существует? Что движет его поступками? В чём заключается высшая цель бытия?

Эта книга – путеводитель для тех, кто стремится заглянуть в глубины человеческой души, понять свою роль в мире и прикоснуться к духовным истокам жизни. Франк объединяет философскую строгость, религиозную мудрость и литературную изысканность, предлагая ответы, которые остаются актуальными на протяжении столетий.

«Смысл жизни» – не просто философский трактат, но вдохновляющее произведение, которое направляет человека на путь внутреннего осознания и духовного обновления.

Для читателей, ищущих ответы на главные вопросы бытия, эта книга станет бесценным источником размышлений и вдохновения.

